

Фере Октав

**IV фрейлины двора
Людовика XIV**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
О-52

О-52 **Октав Ф.**
IV фрейлины двора Людовика XIV / Фере Октав – М.: Книга по Требованию,
2022. – 450 с.

ISBN 978-5-521-28101-5

ISBN 978-5-521-28101-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дурной годъ и плохая мода. — Трое влюбленныхъ кавалера. —
Ночной видъ квартала Монъ-Оргейль.

Въ этотъ годъ—я говорю о 1680 году по Рождествѣ Христовомъ—монастыри Франціи имѣли большой успѣхъ, такъ что Версальскій дворъ едва самъ не обратился въ монастырь.

Появились разнаго рода страшные бичи, такъ напр. появилась манія къ отравленію, овладѣвшая большимъ свѣтомъ и вызвавшая учрежденіе Уголовнаго Суда, осужденіе къ сожженію на кострѣ Ла-Буазенъ и допросъ многихъ дворянъ, мужчинъ и женщинъ, имѣвшихъ доступъ ко двору. Только и было толку о какой-то кометѣ, которая должна была разрушить нашъ бѣдный земной шаръ; а чтобъ примириться съ небомъ, вельможи, имѣвшіе, какъ кажется, много основаній опасаться за свою душу, спѣшили раздавать свои имущества монахамъ, которые, не смотря на то, что проповѣдывали о кончинѣ міра, всетаки принимали, вѣроятно по духу смиренія, эти тлѣнные, но существенныя богатства.

Самъ великій король сдѣлался вслѣдствіи этого задумчивымъ.

Было извѣстно, что онъ не долюбливалъ мысли о послѣдней кончинѣ до такой степени, что, не будучи въ состояніи переносить вида колоколенъ церкви S-t Denis, гдѣ былъ ему приготовленъ склепъ, онъ получилъ отвращеніе отъ своего С.-Жерменскаго дворца и велѣлъ себѣ выстроить новый въ Версалѣ.

Но одна только мысль, что эта ужасная комета угрожала разрушеніемъ всего его блеска, дѣлала его хладнокровнымъ къ самому себѣ. Онъ переложилъ бы слѣдующимъ образомъ стихи стараго Малерба:

И гвардія, охраняющая дворецъ Версаля,
Не охраняетъ однако самаго царя.

Эта несносная комета напоминала ему знаменитую комету 1532 года, появившуюся передъ смертью Луизы Савойской. Эта принцесса искренно говорила, что она появилась только для того, чтобъ предзнаменовать это печальное событіе—убѣжденіе, ускорившее ея агонію.

Дворъ былъ, слѣдовательно, очень пасмуренъ; королева имѣла дурную привычку обижаться на то, что *Король Солнце* предпочиталъ ей всѣхъ ея соперницъ, хотя она и не отличалась ни молодостью, ни красивой наружностью. Это вызывало у ней почти постоянное дурное расположеніе духа. Она только что велѣла наглухо задѣлать самый удаленный и тайный входъ въ помѣщенія ея фрейлинъ, въ Версальскомъ дворцѣ, чтобъ этимъ помѣшать мародерству ея знаменитаго супруга.

Да къ тому-же настоящая фаворитка, г-жа де-Монтеспанъ, имѣвшая уже сорокъ первый годъ—почти ро-

весница короля—чувствовала себя очень слабой вслѣдствіе трудныхъ родовъ своего восьмаго или девятаго ребенка; эта слабость не могла, конечно, развеселить ея нрава, обыкновенно суроваго и упрямаго.

Была еще г-жа Ментенонъ, но, кромѣ того, что ей уже было сорокъ три или сорокъ четыре года, она, хитрячка, никогда вполнѣ не выказывалась. Она сберегала свои прелести и свою благосклонность для монарха, а ея любезность далеко не представляла безумной веселости.

Орлы христіанскаго краснорѣчія, Боссюетъ, Флешье, Фенелонъ по очереди истощали въ часовнѣ Версаля сокровища своей энергіи и своего дара утѣшать, примиряя съ рѣдкимъ искусствомъ, за которое, впрочемъ, ихъ не вполнѣ долюбливали, самыя строгія нравственныя правила смиренія, честности, евангельской непорочности съ свѣтскимъ тщеславіемъ.

Но все это не могло еще возстановить обыкновенной живости и увлеченія.

Однако подобное состояніе не могло удовлетворить придворную молодежь, привыкшую къ пышной, роскошной жизни, къ тщеславнымъ удовольствіямъ, дошедшимъ до крайности.

Самые бѣшеные изъ нихъ по временамъ украдкой исчезали изъ Версаля и пріѣзжали подышать воздухомъ Парижа, этого, по преимуществу, скептическаго города которому даже само разрушеніе и разныя бѣдственныя перевороты никогда не препятствовали продолжать пользоваться удовольствіями.

Тамъ ѣздили въ театръ, ресторанъ, играли въ карты

и кутили, какъ школьники, вырвавшіеся отъ присмотра учителя.

При такихъ то обстоятельствахъ, однажды вечеромъ, въ первыхъ числахъ февраля, трое молодыхъ людей шумно обмѣнивались переполненными черезъ край стаканами въ одномъ изъ ресторановъ квартала Монмартра.

Это были офицеры, что можно было судить по ихъ блестящимъ мундирамъ, и всѣ трое принадлежали къ лучшимъ корпусамъ,—двое изъ нихъ служили въ королевскомъ жандармскомъ корпусѣ, одинъ во флотѣ.

Ужинъ приближался уже къ концу, хотя онъ и продолжался очень долго, такъ какъ это былъ дружескій кружокъ, собравшійся послѣ долгой разлуки: морякъ былъ въ плаваніи, а жандармы дрались въ Валансиенѣ. Они собрались тутъ, чтобъ имѣть возможность задумшевно привѣтствовать другъ друга наединѣ, безъ женщинъ, безъ постороннихъ, такъ что никто не мѣшалъ ихъ откровенной бесѣдѣ и ихъ изліяніямъ.

Изліянія эти были въ полномъ ходу въ ту минуту, какъ мы входимъ въ кабинетъ, нарочно избранный для этого маленькаго празднества.

Всѣ были оживлены, разгорячены, но никто не былъ пьянъ; что именно и нужно для живой бесѣды.

— Ахъ! прелестный вечеръ, господа, сказалъ морякъ. Я рѣдко чувствовалъ себя счастливѣе, и въ такомъ состояніи, въ какомъ вы меня видите, я всегда брежу о всемірномъ счастіи.

— И все это, сказалъ одинъ изъ его друзей, улыбаясь, изъ-за одного лишь взгляда женщины, украдкой уловленнаго въ узкомъ проходѣ!

— Видишь-ли, мой милый Генрихъ, возразилъ морякъ, вы, всѣ слишкомъ счастливые смертные, далеко не такъ цѣните эти маленькія блаженства, какъ я.

— Я протестую! вскричалъ третій. Мы не менѣе твоего, суровый старый морякъ, чувствительны къ благосклонностямъ; по крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я признаюсь въ этомъ, не краснѣя, сколько бы я ни мѣнялъ гарнизона, здѣсь всегда кто нибудь заживетъ, сказалъ онъ, ударя себя въ грудь.

— Знаю, знаю! Вы оба также влюблены! и по странному стеченію обстоятельствъ, оба влюблены въ двухъ прелестныхъ красотокъ, подругъ дамы моего сердца, и онѣ составляютъ вмѣстѣ трію, подобное тому, которое мы образуемъ въ настоящее время.

— И онѣ всѣ три также красивы, осмѣливаюсь сказать, какъ храбры мы всѣ трое.

— Подруги короля, фрейлины его двора, какъ мы его братья по оружію и его офицеры.

— Шарль правъ, вскричалъ Генрихъ, это совершеннѣйшая трилогія.

— И ты насъ считаешь менѣе себя чувствительными къ благосклонностямъ нашихъ красавицъ! сказалъ Генрихъ.

— Я выражусь яснѣе, сказалъ морякъ, мысли котораго, быть можетъ, вслѣдствіи его профессіи представляли даже, когда онъ говорилъ самымъ веселымъ образомъ, серьезный характеръ, вотъ что я хотѣлъ сказать: что, дыша однимъ воздухомъ съ этими прелестными молодыми дѣвушками, которыя васъ любятъ, и будучи въ состояніи ихъ видѣть каждый день, близко

подходить къ нимъ, вы не знакомы съ этой тоской по разлукѣ, причиняющей много заботъ, но также вы и не испытали сильныхъ радостей при возвращеніи!...

— О, дорогой энтузіастъ!...

Испускающій этотъ возгласъ не былъ однако ни менѣе его пылокъ, ни менѣе его восторженъ, такъ какъ всѣ трое обладали великодушными, горячими, храбрыми и влюбчивыми натурами, какъ это и подобаетъ двадцати пятилѣтнимъ мушкетерамъ.

— Подумайте же только, добрые друзья, что вѣдь я не видалъ мою дорогую Машу уже восемнадцать мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ я плаваю по морямъ.

— Да, это правда!

— И то въ послѣдній разъ я видѣлъ ее въ этомъ старинномъ Руэргскомъ замкѣ, гдѣ живутъ нелюдимо семейства д'Эскорайллъ и Фонтанжъ. Ей всего было семнадцать лѣтъ, и тогда уже была видна ея чудесная красота, которою теперь всѣ восхищаются и о которой всѣ въ настоящее время кричатъ!... Ахъ!...

— Ну что же! Помилуй меня Богъ, сказалъ одинъ изъ его собесѣдниковъ, ты сейчасъ вздохнулъ!

— Она находится на верху блаженства, сказалъ шаловливо другой, вотъ это уже нелогично!

— Это правда, но это невольно.

И точно какая-то тѣнь промелькнула на его лбу.

— Ну, что это значитъ? Ты дѣлаешься мрачнымъ?

— Да, это безуміе!... сказалъ онъ, понуря голову. Что хотите вы, нельзя совладать съ подобными впечатлѣніями.... Я разстался съ Маріей Фонтанжъ, слѣдовательно, около полутора года тому назадъ, чтобы при-

соединиться къ эскадрѣ въ Брестѣ; а мѣсяцъ спустя, она вступила къ принцессѣ Генріэттѣ, въ качествѣ фрейлины.

— Да, на самомъ дѣлѣ, такая фрейлина, которую великая княгиня можетъ признать!

— Это правда, все правда... Но между нами нѣтъ тайнъ. Ну, такъ! я лучше бы желалъ, чтобъ она оставалась въ этомъ древнемъ замкѣ, возвышающемся на хребтѣ горы, гдѣ я ее узналъ, среди своего патріархальнаго семейства и своихъ дикихъ мужиковъ, чѣмъ среди вашего двора.

— Профанъ! вскричалъ Генрихъ.

— Ревнивецъ!... пробормоталъ Шарль ему на ухо.

Молодой морякъ пожалъ ему руку и въ свою очередь пробормоталъ:

— Да, я этого боюсь, ревнивъ!...

Остальные двое обмѣнялись быстрымъ и страннымъ взглядомъ; на минуту смѣхъ замеръ на ихъ губахъ. Они ничего не отвѣчали.

— Видите ли вы, началъ онъ опять, погруженный въ свою страсть и свои тревожныя мысли, я вѣдь былъ такъ счастливъ въ продолженіи тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, которые я провелъ въ этомъ Руэргскомъ замкѣ! Я пріѣхалъ туда не одинъ на нѣсколько охотъ на кабана, безъ всякаго преднамѣренія, едва подозрѣвая даже о существованіи тамъ молодой дѣвушки.

— Романическое приключеніе!

— Да, и изъ прекраснаго романа!... Марія Фонтанжъ явилась мнѣ подобно лучезарному явленію. Ахъ! конечно, все окружающее также тому много способствовало:

это феодальное, дикаго вида жилище, эти Руэргскіе и Овернскіе крестьяне съ ихъ строгой физіономіей, меня самого удивившей, меня, только что вырвавшася изъ степей своей милой Бретани! А потомъ, вокругъ нея, такой молоденькой, такой свѣжей, такой бѣлокурой, эти старые родители, о которыхъ можно было подумать, что они нарочно вышли изъ какой нибудь закоптѣлой комнаты, чтобъ оттолкнуть!....

— И вотъ, какъ возникаетъ любовь, сказала Генрихъ Ротелинъ; давайте господа, выпьемте за здоровье любви?

— И ты полюбилъ прекрасную Марію, сказалъ Шарль Севинье.

— Такъ же, какъ вы любите, ты, Генрихъ—Анаису Понсъ, ты, Шарль—Клоринду Сурди... Но вѣдь два мѣсяца такъ скоро пролетѣли, и настало уже время отъѣзда: мой начальникъ эскадры, г. Турвиль, вызывалъ меня въ Ларіенъ.

— По крайней мѣрѣ ты не уѣхалъ, не заручившись прежде какимъ нибудь знакомъ памяти, словомъ—общаніемъ...

— Да, я все это увозилъ съ собой и кромѣ этого еще преисполненное радости свое сердце, а потомъ вы уже знаете остальное: надо было драться и плавать до того блаженнаго дня, когда эскадра остановилась наконецъ отдыхать въ Дюнкерфъ, и я прилетѣлъ въ Версаль.

— Гдѣ-же ты увидалъ прекрасную Марію?

— Мелькомъ только. Ахъ, какая ужасная вещь вашъ дворъ съ своимъ этикетомъ!... Не будь тамъ дѣвицы Фонтанжъ, я не ступилъ бы туда ногой, гораздо болѣе

предпочитая свой корабль и службу на немъ. Я стоялъ въ галереѣ, когда проходилъ король, сопровождаемый принцессами, въ свитѣ которыхъ находилась и моя дорогая Марія, сейчасъ же узнавшая меня и улыбнувшаяся мнѣ. Вотъ и все тутъ.

— То есть на нынѣшній день только, такъ какъ ты увидишь ее, сколько пожелаешь, стоять только тебѣ участвовать въ охотѣ, гдѣ приметъ также участіе и дворъ. Тогда мы отправимся по полямъ и лѣсамъ изъ Версаля въ Медонъ, а изъ Медона въ Марли.

— Ахъ! сказалъ молодой морякъ, снова вздыхая, во сколько разъ я предпочелъ бы одну изъ нашихъ прогулокъ пѣшкомъ, наединѣ, въ Овернскихъ горахъ!...

— За неимѣніемъ подобной прогулки, сказалъ Шарль Севинье, понижая голосъ, Анаиса и Клоринда съумѣютъ предоставить тебѣ четверть часа разговора съ ихъ подругой; положиись только на нихъ.... О эти фрейлины, видишь ли, это женщины очень хитрыя!...

— Слѣдовательно, господа, я вполне довѣряюсь вамъ.

— Хола! вскричалъ Генрихъ Ротелинъ, взглянувъ на часы: одиннадцать часовъ!...

— Ну, что-же! ничего еще не потеряно. Пойдемъ ли мы туда, куда собирались? спросилъ Шарль.

— Болѣе чѣмъ когда нибудь! сказалъ морякъ. Я такъ мало времени могу пробыть въ Парижѣ, что желаю употребить его въ пользу, посѣтивъ всѣ его достопримѣчательности.

— А мѣсто, куда мы отправляемся, возразилъ другой, пользуется не послѣдней славой.

— Обыкновенное явленіе для всякаго запрещеннаго плода.

— Пойдемте, господа, застегнемъ наши пояса, да и въ путь!

Они надѣли свое оружіе, висѣвшее на стѣнѣ, трактирщики подали имъ ихъ шинели, и они втроемъ вышли на улицу.

А на самомъ дѣлѣ, они трое были прекрасные мужчины, имѣвшіе горделивую осанку, удадо носившіе свои шапки и попиравшіе смѣлымъ шагомъ мостовую.

Впрочемъ, не было никого, кто бы могъ за ними наблюдать.

Былъ сильный холодъ; улицы были пусты; единственные живыя существа, встрѣчающіяся на нихъ, были быстрые тѣни, пересѣкавшія тамъ и сямъ мостовую и исчезающія въ переулкахъ и глухихъ улицахъ, пользующихся дурной репутаціей; гдѣ даже въ настоящее время, не смотря на все великолѣпіе великаго царствованія, кипѣли послѣднія скопленія *дворовъ Чудесъ*.

Кварталь Монъ-Оргейль, какъ извѣстно, отличался этимъ уже съ незапамятныхъ временъ, чего, благодаря его мѣстоположенію, не могли искоренить ни указы, ни надзоры.

Это очень легко понять, если только вспомнить, что за удушливые лабиринты были еще въ 1866 году на улицахъ Нищенства, Реаль, Мондетуръ, Лебеда, Вердере, Французской и другихъ.

— Гей! сказалъ одинъ изъ нашихъ ночныхъ гулякъ, указывая на пару силуэтовъ, забившихся при ихъ приближеніи въ уголъ одной изъ глухихъ улицъ, вотъ,